

О содержательном подходе к логике в ранних работах Фреге и Гуссерля.

Ю.Ю.Черноскутов, Санкт-Петербургский государственный университет

ju.chernoskutov@spbu.ru

Фреге в «Понятийном письме» (1879) и других работах раннего периода говорит о «понятийном содержании» [begriffliche Inhalt], «содержании, допускающим вынесение суждения» [beurteilbare Inhalt], но категория предмета в этот период у него отсутствует. Она впервые появляется в следующей важной работе, «Основания арифметики» (1884). Согласно выдвинутому во введении одному из трёх основных методологических принципов, необходимо «не терять из виду различие между понятием и предметом» [1, 11]. Чёткое отделение предмета от представления, или содержания представления (понятия), или имени и т.п. является в своём роде типическим признаком Австрийских логико-философских исследований. Тем не менее, у нас нет прямых свидетельств, позволяющих утверждать, что Фреге заимствовал различие понятия и предмета у кого-то из представителей школы Brentano, тем более что именно такого различия и именно в этих терминах ни Brentano, ни его ученики не проводили.

При этом Фреге интересуют в первую очередь особая разновидность предметов, таких, которые он характеризует как недействительные, но объективные. К последним, в частности, относятся числа и другие идеальные конструкции, например, «земная ось». Во всех этих рассуждениях понятие абстрактного объекта неразрывным образом связано с понятием равенства. Фактически, Фреге не видит других способов введения (абстрактного) объекта в ткань логического исследования, кроме как через предложения, утверждающие равенство. Уже во введении, комментируя упомянутую необходимость различать понятие и предмет, он замечает, что нарушение этого принципа ведёт к ненадёжности некоторых математических теорий. После чего он добавляет, что во всех этих случаях «всё зависит от установления смысла равенства» [1, 11]. Своё окончательное место в логической системе категория предмета получает в работах 1891-93 гг.

Если Фреге стремится выразить понятие числа через понятия «чистой» логики, то, по мнению Гуссерля, понятие числа является производным от понятия множества. Поэтому он видит свою главную задачу в том, чтобы показать генезис числа из множества. Кроме того, в отличие от Фреге, искомые связи между множеством и числом он вскрывает не на основе логических выкладок и преобразований, но используя некоторые методы дескриптивной психологии Франца Brentano.

В частности, хотелось бы обратить внимание на то, как он использует заимствованное у Brentano различие самого психического акта и его содержания. Гуссерль чётко оговаривает, что содержание не зависит от акта. Никакой мыслительный акт не создаёт содержания: «Наша духовная деятельность не создаёт никаких отношений; они просто есть и замечаются при соответствующей направленности интереса так же, как и какие-либо другие содержания. В подлинном смысле творческие акты, которые создают новое содержание как результат, отличный от них самих, есть психологическая нелепость» [2, 42].

Оба автора, в разных выражениях, говорят о том, что число, сопоставляемое предмету, зависит от способа его восприятия. Фреге говорит, что «я могу понимать Илиаду как одну поэму, как 24 песни, или как большое число строф» [1, 34]. Гуссерль: «Какие внешние предметы и сколько их мы объединяем и считаем, зависит только от нашего интереса» [2, 46-47]. Но на этом сходства заканчиваются. Дело в том, различное понимание природы арифметики заставляет авторов выбирать и разные исследовательские методологии. Фреге видит в арифметике исследование особого рода предметов, которые объективны. Поэтому единообразие пересчитываемых предметов достигается их подведением под одно понятие, которое объективно. Гуссерль же

стремится к познавательному, проясняющему обоснованию, которого пытается достичь методами дескриптивной психологии. Как следствие, искомое единообразие обеспечивается однородностью такой абстракции, как «коллективная связь», объединяющей эти предметы в одно множество.

Гуссерль, в рамках обоснования арифметики, так и не перешёл в этот период от содержания к предмету. Одна из причин этого в том, что он иначе смотрел на связь между математикой и логикой. В логике он видел чисто практическую дисциплину, которая должна быть теорией научного метода. Как следствие, традиционное требование, что логика должна оперировать именно с понятиями, оказывается для него непринципиальным. Принципы корректной работы с чувственными знаками, поскольку эта работа является эффективным методом познания, тоже входит в компетенцию логики. Более того, что касается арифметики, здесь знаковые методы более всеохватны и эффективны, чем понятийные. Поэтому Гуссерль решительно заключает, что понятийные методы стали излишними, в то время как именно «метод чувственных знаков является логическим методом арифметики» [2, 292]. К содержательным рассмотрением он переходит, чтобы подвести теоретическое основание под использование символических методов в математическом познании. Тем не менее, категория предмета появляется у него в работе «Исчисление выводов и логика содержаний» [3], опубликованной в том же 1891 году. Здесь он пытается обосновать «исчисление понятийных предметов» как наиболее адекватную содержательную интерпретацию логического исчисления.

В этой связи надо обратить внимание, что оба автора использовали термин «содержание» в трёх разных смыслах. Во-первых, в смысле «неформального», во-вторых, в смысле интенционального, в-третьих, в семантическом смысле, т.е. как содержание имени или акта мышления. Оставшаяся часть доклада посвящена анализу соотношения этих трёх компонентов у каждого из авторов.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №14-03-00650

Литература.

1. Frege G. *Grundlagen der Arithmetik*. Hamburg, 1986
2. Husserl E. *Philosophie der Arithmetik*. Halle, 1891
3. Husserl E. Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik. // *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. Leipzig, Bd.15 (1891), S.168-89, 351-356.